

*Н. Е. Никитина,
аспирант кафедры белорусского и русского языкознания БГПУ*

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ОСОЗНАНИЯ ЕЕ СУЩНОСТИ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Термин *языковая личность* в русистике впервые встречается в работе В. В. Виноградова «О языке художественной прозы» (1930 г.), посвященной изучению личности автора и персонажа художественного произведения. Ученый неоднократно пользуется этим словосочетанием, однако не толкует его смысл и не дает определения названному явлению. При этом содержание исследования указывает на то, что речь идет о связи языка и личности [1].

Проблему взаимосвязи языка и личности пытались осмыслить и ранее, ей посвящены работы различных ученых. Так, Й. Л. Вайсгербер первым в зарубежной лингвистике употребил словосочетание «языковая личность» в книге «Родной язык и формирование духа» (1927 г.) [2]. В. фон Гумбольдт изучал влияние языка на культуру отдельной личности, а также народа в целом [3]. К. Фосслер рассматривал индивидуальный авторский язык с позиций эстетики [4, с. 117]. Ф. де Соссюр представлял язык своеобразным инструментом, обеспечивающим взаимодействие человека и окружающего мира [5]. Э. Сепира интересовали аспекты воздействия культуры на личность, а также взаимосвязь языка и мышления [6]. М. М. Бахтин, исследовавший особенности диалога культур, рассматривал личность как «говорящее сознание», которое является участником коммуникации [7, с. 361]. А. А. Потебня обращал внимание на синтез индивидуального и социального в языке личности: «Языковая индивидуальность выделяет человека как личность, и чем ярче эта личность, тем полнее она отражает языковые качества общества» [8, с. 98].

Заметный вклад в установление сущности языковой личности внесли работы Ю. Н. Караулова. Он рассматривает языковую личность как «...совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся

а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [4, с. 245]. С другой стороны, он утверждает, что «<...> языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [4, с. 38]. Очевидно, что первое определение Ю. Н. Караулова ориентировано на языковые особенности личности, второе – на конкретного говорящего или пишущего.

По мнению некоторых лингвистов, «перспективы использования термина *языковая личность* связаны с обозначением конкретного носителя языка, с тем определением Ю. Н. Караулова, которое пока осталось почти не замеченным в лингвистике» [9, с. 29]. Д. Н. Мурзин, Е. В. Иванцова также рассматривают языковую личность с позиции индивидуальности: «Языковая личность есть индивид, представленный через посредство своего речевого воплощения» [10, с. 11]; «Личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженная в созданных ею текстах» [11, с. 10]. По Г. И. Богину, языковая личность есть «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [12, с. 35].

Заметим, что понятие «языковая личность» не является бесспорным. Так, В. А. Чудинов, например, отмечает его избыточность, поскольку «личность может стать личностью только в процессе социализации, а без овладения национальным языком это невозможно» [13]. Кроме того, он подчеркивает более тесную связь личности с речью, чем с языком.

В свою очередь И. А. Сеница в монографии «Языковая личность ученого-гуманитария XIX века» утверждает, что «личность определяется языковой прежде всего потому, что язык является главным средством выражения

индивидуально-личностных черт человека в целом», поэтому правомерно говорить о существовании «языковой, правовой, экономической, актерской и т. д. личности» [14, с. 38].

Изучение феномена языковой личности в русистике идет по двум основным направлениям. С одной стороны, оно связано с характеристикой авторских идиостилей и речевой характеристикой персонажа как типа личности [15, с. 28]. Других исследователей интересует «человек говорящий» с его языковой компетентностью, проявляемой в разных видах речевой деятельности [16, с. 113].

При сопоставлении основных определений термина *языковая личность* закономерно обнаруживается ряд положений, общих для всех дефиниций. Так, все исследователи определяют языковую личность как человека (личность, индивида), воспринимаемого сквозь призму его языковых проявлений (текстов, языковых средств, речевых поступков) в ходе коммуникации. При этом понятия «язык» и «речь» не имеют четкого разграничения, хотя в теории языковой личности разрабатывается идея, сторонники которой разделяют языковую и речевую личность (В. В. Красных, В. А. Маслова и др.).

Языковая личность не может существовать вне общества и его культурного пространства, и данная особенность отражена лишь в определении В. И. Карасика. Поскольку восприятие языковой личности В. И. Карасиком представляется нам наиболее полным и всеобъемлющим, мы будем придерживаться его, считая, что «*языковая личность – обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций*» [17, с. 363].

С целью выявления основных направлений исследования феномена языковой личности нами были проанализированы публикации по этой проблеме, размещенные в электронной библиотеке «КиберЛенинка»¹ (<http://cyberleninka.ru/>). По запросу «языковая личность» было найдено 15 458 результатов, что свидетельствует об устойчивом интересе к этому явлению в современной лингвистике, психологии, социологии, педагогике и других отраслях знаний.

Аналізу подверглось содержание 167 работ, созданных в 2009–2014 гг. и имеющих лингвистическую направленность. В резуль-

тате анализа можно сделать следующие выводы.

1. Большинство публикаций (36,5 %) посвящены характеристике языковой личности (ЯЛ) различных *социальных групп*, объединенных профессиональной принадлежностью (ЯЛ переводчика, политика, юриста, учителя, филолога, музыканта, актера, художника, врача, бизнесмена, ведущего радиостанции, футбольного комментатора, геймера и др.), *национальных* (русская, немецкая, американская, англо-американская ЯЛ, ЯЛ современного россиянина, ЯЛ диалектоносителя и др.), *возрастных* (ЯЛ взрослого, ребенка, младшего школьника, старшеклассника, подростка и др.), профессиональной, гендерной принадлежностью и др. (А. Б. Бушев, С. А. Голубцов, С. А. Гюль-Балаевна, М. Я. Добря, Ю. А. Карпова, Д. С. Лапенков и др.).
2. 30 % работ касаются полемики вокруг термина *языковая личность*, а также содержат разработку теории изучения языковой личности. Особый интерес у ученых вызывают вопросы, связанные с характеристикой отдельных *типов языковой личности* (интолерантная, экстравертная и интровертная, виртуальная, профессиональная, национальная, элитарная и народная, конфликтная, синтетическая, публичная, развитая, тендерная, коллективная, историческая, вторичная, билингвальная и др.) и различными аспектами изучения данного явления (ментально-психологический, лингвосоциокультурный, психосоциальный, когнитивный, когнитивно-стилистический, исторические, методологические и другие аспекты (О. Л. Арискина, А. А. Ашева, Е. В. Иванцова, И. В. Коноваленко, Т. В. Кыштымова, О. В. Михалевич, О. В. Эфтор и др.).
3. 19 % работ посвящены более частным вопросам изучения языковой личности (языковая личность в личностно ориентированном конфликтном дискурсе; пути формализации сознания языковой личности; лингвокреативность языковой личности и дискурсивные маркеры лексических инноваций и др.).
4. 11,5 % исследований связаны с художественной литературой и репрезентируют наблюдения, касающиеся языковой личности автора либо персонажа художественного текста (А. С. Авксентьева, И. Г. Паршина, Г. Г. Хисамова и др.).
5. 6 % работ (А. М. Кусаинова, А. М. Нехорошева, Д. В. Киселева и др.) рассматривают языковую личность различных персоналий: как современников, так и представителей

¹ КиберЛенинка – единственная в России электронная библиотека, входящая в топ-100 мировых электронных хранилищ научных публикаций (по данным Webometrics: The Ranking Web of Repositories), лауреат премии Рунета 2014 в номинации «Наука и образование».

минувших исторических эпох (Г. Бельгера, А. Меркель, Б. Обамы, Я. Хамматова; Ивана Грозного, Екатерины II, В. Муратовского, Л. Н. Толстого, К. Д. Ушинского, М. А. Шолохова и др.).

Как отмечалось выше, языковая личность автора художественного произведения изучается довольно активно: значимый процент публикаций, рассматривающий особенности языковой личности переводчика (5 %), поликультурной языковой личности (2 %), вторичной языковой личности (5 %).

Таким образом, анализ публикаций, посвященных различным аспектам изучения языковой личности, демонстрирует интерес ученых к данному явлению в силу его значимости и многомерности. Заметно и возрастающее внимание к особенностям поликультурной языковой личности, обусловленное современными реалиями, в которых владение несколькими языками и, как следствие, ассимиляция нескольких культур становятся нормой.

Современные лингвисты сходятся во мнении, что понятие языковой личности является родовым и включает в себя широкий спектр видовых универсалий, в число которых входит и билингвальная языковая личность (М. К. Акишева, А. В. Кузнецова, К. Х. Рахимжанов). Укажем, что в лингвистике для обозначения человека, владеющего двумя языками, существует несколько терминов. Так, наряду с самым распространенным – «*билингвальная языковая личность*» – используются термины «*билингв*», «*билингвальная личность*» (Х. З. Багиров, У. М. Бахтикиреева, З. У. Блягоз), «*социокультурная билингвальная личность*» (Л. Ж. Агадилова, М. К. Акишева, К. Х. Рахимжанов) либо «*билингвальная социокультурная личность*» (Л. Я. Комарова). А. А. Сардарова проводит параллели между билингвальной и вторичной языковой личностью.

Мы придерживаемся наиболее распространенного термина *билингвальная языковая личность*, которая определяется как личность, владеющая двумя разными языковыми системами, двумя типами когнитивного и языкового сознания и обладающая межкультурной компетентностью, что проявляется в способности интегрировать ценности и нормы первичной и приобретенной культур.

Есть все основания считать, что большинство жителей Республики Беларусь являются билингвами, поскольку русско-белорусское двуязычие здесь имеет длительные традиции. Языковеды, литературоведы, социологи, культурологи безоговорочно признают, что «белорусская ментальность едва ли не является национальной системой, это самобытный

и уникальный синтез язычества и христианства, православия и католичества, западноевропейского и восточного, славянского и советского» [18, с. 41], что истоки взаимодействия белорусской и русской культур лежат в общности исторических судеб двух народов, а соответствующих языков – в генетическом родстве и близости языковых систем [19, с. 4].

В настоящее время выход белорусской литературы на международный уровень затруднен тем, что все меньше произведений переводится с белорусского языка на русский (язык-посредник). Кроме того, издание книги на одном из государственных языков с последующим переводом на второй воспринимается авторами как «единственный способ достучаться до земляка-читателя, с его языковым <...> и мировоззренческим расколом субъекта» [20]. Решение данных проблем многие писатели видят в авторском переводе.

Авторский перевод является результатом деятельности творческой билингвальной языковой личности, специфика которой состоит в том, что процесс авторского перевода как акт коммуникации происходит в пределах единого сознания, поскольку автор сознательно становится читателем собственного текста. Таким образом, он задействует механизмы билингвизма и автокоммуникации.

Подводя итоги, подчеркнем, что в настоящее время факт существования такого явления, как языковая личность, включающего языковые и когнитивные, социальные и культурные черты, следует считать общепризнанным. Языковую личность понимают как совокупность языковых (речевых) способностей, а также как субъект, являющийся носителем культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей определенной социальной группы. Разнообразны и типы языковой личности: виртуальная, профессиональная, национальная, народная, публичная, историческая и др. В силу социально-культурных изменений в современном мире особый интерес вызывает направление «языковая личность → билингвальная языковая личность → творческая билингвальная языковая личность → языковая личность автора-переводчика». В связи с этим как ретроспективная, так и современная интерпретация языковой личности является актуальной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов, В. В.* Избранные труды: О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1980. – 360 с.
2. *Вайсгербер, Й. Л.* Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер ; пер. О. А. Радченко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.

3. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 397 с.
4. Эфтор, О. В. О подходах к изучению языковой личности / О. В. Эфтор // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 86. Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 37 (328). – С. 117–120.
5. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 262 с.
6. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Прогресс-Универс, 1993. – 654 с.
7. Бахтин, М. М. Тетралогия / М. М. Бахтин. – М. : Изд-во Лабиринт, 1998. – 608 с.
8. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – К. : СИНТО, 1993. – 192 с.
9. Иванцова, Е. В. О термине «языковая личность» : истоки, проблемы, перспективы использования / Е. В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 4 (12). – С. 24–32.
10. Мурзин, Д. Н. Антропологическая ниша в языковой науке / Д. Н. Мурзин // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. – Екатеринбург, 1995. – С. 11–12.
11. Иванцова, Е. В. Феномен диалектной языковой личности / Е. В. Иванцова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. – 312 с.
12. Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. И. Богин. – Калинин : КГУ, 1986. – 86 с.
13. Чудинов, В. А. Проблема языкового субъекта [Электронный ресурс] / В. А. Чудинов. – Режим доступа : <http://chudinov.ru/problema-yazykovogo-subekta/>. – Дата доступа : 01.02.2015.
14. Сеница, И. А. Языковая личность ученого-гуманитария XIX века / И. А. Сеница. – К. : Издат. дом Дмитрия Бураго, 2006. – 352 с.
15. Виноградов, В. В. Язык как творчество / В. В. Виноградов. – М. : Просвещение, 1995. – 126 с.
16. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1999. – 287 с.
17. Карасик, В. И. Языковая личность: аспекты изучения / В. И. Карасик // Язык и культура : материалы II Международ. науч. конф., Москва, 17–21 сентября 2003 г. : Тез. докл. – М., 2003. – С. 362–363.
18. Маслова, В. А. Homolingualis в культуре / В. А. Маслова ; Министерство образования Республики Беларусь, УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова». – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2004. – 214 с.
19. Гируцкий, А. А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы / А. А. Гируцкий. – Минск : Университетское, 1990. – 175 с.
20. Мартинович, В. Сфагнум [Электронный ресурс] / В. Мартинович. – Режим доступа : http://martinovich.by/?page_id=23. – Дата доступа : 01.02.2015.

SUMMARY

The article deals with the establishment of the linguistic personality nature, identifies patterns of its linguistic interpretation. The author describes the history of the usage of the term "linguistic personality". Basing on a comparison of existing definitions of the term the author defines the main features of this phenomenon. Analytical review of recent publications on the researched topic allows the author to set the direction of the study of the linguistic personality phenomenon. The article draws attention to the relevance of the study of such types of linguistic personality as bilingual linguistic personality, creative bilingual linguistic personality and linguistic personality of the author-translator.

Поступила в редакцию 25.02.2015 г.

УДК 811.581

Ю. И. Саруханова,
магистр филологических наук,
начальник центра китаеведения Института китаеведения им. Конфуция БГУ

КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КИТАЙСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЗНАКОВ И ПРОИЗВОДНЫХ ОТ НИХ ПРЕДЛОГОВ

Первичный уровень семантической стратификации знаков составляют части языка – подмножества языковой системы, элементами которых являются знаки с общим предельно абстрактным стереотипом в значении (к ним относятся тайгены, обозначающие индивиды и ёгены, обозначающие признаки индивидов), и знаки алфавита синтаксиса (предлоги, послелого, союзы, частицы и проч.), служащие для соединения составных частей языковых структур [1, с. 19–20].

Китайскому языку присущ аппликативный¹ строй, в котором часть языка в предложении разгружается от выражения своих формально-грамматических функций. Она сохраняет за собою номинативное значение, выражение же своих синтаксических отношений переносит на знаки алфавита синтаксиса, которые самостоятельного лексического значения не имеют.

Предлог – ведущий и типологически универсальный знак в алфавите синтаксиса многих языков, но лишь в некоторых языках очевидна его производность от части языка, обозначающей процесс. Предлоги китайского языка в большинстве своем производны от переменных ёгенов² (в плане этимологии) и по отношению к ним являются транспозитами³. Будучи производными от переменных ёгенов, китайские предлоги до сих пор сохраняют некоторые их синтаксические и семантические свойства, поэтому их целесообразней называть полупредлогами⁴.

Поскольку многие ёгены-прототипы продолжают широко употребляться в китайском языке, существует немало парных элементов, записывающихся одним и тем же иероглифом, но выступающих в разных ролях: ёген играет полнозначную роль сказуемого, а полупредлог – металингвистическую роль, обознача-

чая при этом объектные, пространственные, временные, целевые и причинные отношения. Полупредлоги можно разделить на следующие группы [3, с. 362–364]: 1. Полупредлоги, ёгены-прототипы которых по-прежнему употребляются в китайском языке. Эта группа полупредлогов сохраняет с исходным ёгеном тесную этимологическую связь, которая легко прослеживается: (1a) 他的房子朝南。 букв.: ‘Фасад дома обращен на южную сторону’⁵; (1b) 他朝南做礼拜。 букв.: ‘Он молится, обращаясь лицом к югу’. В примере (1a) знак 朝 выступает в роли ёгена, а в примере (1b) – в роли полупредлога. Значение полупредлога 朝 этимологически происходит от значения ёгена 朝 и тесно связано с ним. 2. Полупредлоги, ёгены-прототипы которых по-прежнему употребляются в китайском языке, однако этимологическая связь с исходным ёгеном не так очевидна: (2a) 有人按门铃。 букв.: ‘Кто-то нажал (надавил) дверной звонок’, (2b) 我们得按他说的做。 букв.: ‘Нам следует действовать, опираясь на его слова’. В данных примерах этимологическая связь между полупредлогом 按 (пример (2b) и ёгеном 按 (пример (2a), на первый взгляд, отсутствует, хотя при более детальном анализе ее можно проследить: (2c) 他一手按着桌子做体操。 букв.: ‘Он, нажимая (надавливая) на стол, выполняет упражнения’. Ёген 按 в примере (2c) является переходным знаком между ёгеном 按 в примере (2a) и полупредлогом 按 в примере (2b). 3. Полупредлоги, ёгены-прототипы которых в современном китайском языке более не употребляются: (3a) *我从车站。 букв.: ‘Я с остановки пришел домой’. Знак 从 в современном китайском языке в качестве ёгена (пример (3a)) больше не употребляется и может быть только полупредлогом, как в примере (3b).

Связь с исходным ёгеном слабее у тех полупредлогов, ёгены-прототипы которых более не употребляются, поэтому знаки 从、被、把 и др. легко определить в предложении в качестве полупредлогов. Однако возникает вопрос: в каких случаях является полупредлогом, а в каких – ёгеном, знак, который может выступать и в той и в другой роли? Чтобы ответить на него, определим критерии разграничения полу-

¹ В таких языках наблюдается присоединение одних языковых единиц к другим без изменения их формы [2].

² Переменный ёген – ёген, обозначающий переменный признак индивида: процесс, в котором участвует индивид, или дополнительная характеристика этого процесса, например: бежать, быстро, очень, любить и др.

³ Транспозит – иная частезыковая форма одного и того же слова.

⁴ Здесь и далее будет использоваться термин *полупредлог*.

⁵ Здесь и ниже перевод выполнен Ю. И. Сарухановой.